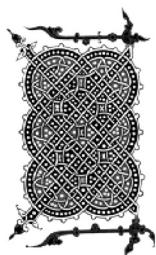

© 2023 С. А. Иникова
Москва, Россия

ПЕВЧИЕ В ДУХОБОРЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ В СОВЕТСКУЮ И ПОСТСОВЕТСКУЮ ЭПОХИ

Аннотация. Институт певчих как структурная часть духоборческой секты сформировался в начале XIX в. и переступил порог XXI столетия. История и роль пения священных текстов, место и статус их исполнителей, певчих, в XVIII – начале XX в. рассмотрены в работе, ранее помещенной на страницах этого журнала¹. Данная статья продолжает исследование о певчих в духоборческом сообществе в советский и постсоветский периоды. В ней рассмотрены влияние внешних исторических процессов и внутренних катаклизмов на трансформацию института певчих, особенности его функционирования в эти периоды и причины его угасания. В статье преимущественно использован полевой материал автора, собранный во время экспедиций к духоборцам в Богдановский (ныне Ниноцминдский) район Грузии и в места их компактного проживания в Российской Федерации после их переселения из Закавказья.

Ключевые слова: духоборцы, певчие, псалмы, религиозность, культовая практика, советский период, постсоветский период.

Ссылка при цитировании: Иникова С. А. Певчие в духоборческом сообществе в советскую и постсоветскую эпохи // Традиции и современность. 2023. № 35. С. 38–54

Публикуется в соответствии с планом НИР ИЭА РАН, тема «Народы России: социально-антропологические, этнологические, этнодемографические и историко-культурные исследования»

Иникова Светлана Александровна (Inikova Svetlana Aleksandrovna) – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, эл. почта: inikova_svetlana@iea.ras.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4925-8819>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2023. № 35. С. 38–54

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoslavie.ru>
УДК – 304.28; ББК – 86.39; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2023-35/38-54>

Краткая предыстория. После раскола (начало 1887 г.) духоборческой секты, проживавшей с 1841–1845 гг. в Закавказье, духоборцы разделились на большую и малую партии². Первые признали новым Христом Петра Васильевича Веригина и приняли его учение, сформированное под сильным влиянием толстовства (пацифизм, вегетарианство, коммунальный образ жизни), вторые, а это были жители одного села Горелое (потом Гореловка), категорически отвергли и Веригина, и его учение. Раскол, конфликт большой партии с властями, отъезд 7,5 тыс. последовательных веригинцев в Канаду и вражда, поселившаяся на долгие годы между малой и большой партиями, очень сильно ослабили секту. Малая партия фанатично держалась старины и сосредоточилась на культе последней законной руководительницы Лукерьи Калмыковой (ум. 15 декабря 1886 г.), а духоборцы большой партии – те, кто признали Веригина, но не пошли за ним до конца и не покинули родину, усвоив учение нового вождя фрагментарно, потеряли былую уверенность в незыблемости прежней веры и стали более открыты для влияний извне.

Обе партии остались без обожествленного руководителя, но в каждом селе продолжали существовать группы уважаемых *старичков*³, которые традиционно руководили религиозной и повседневной жизнью своих единоверцев. В каждом селении были группы *певчих*, продолжавшие играть важнейшую роль в богослужении и насыщенной культовой практике духоборцев⁴. «Старички» и певчие старались поддерживать уровень религиозности внутри секты и прежний уклад жизни.

Духоборцы малой партии с момента раскола пользовались покровительством закавказской администрации. После отъезда в Канаду веригинцев-пацифистов конфликт духоборцев большой партии, оставшихся в Закавказье, с закавказскими властями был исчерпан. Жизнь Духобории⁵ в начале XX в. шла мирно, без каких-либо потрясений.

Советский период

В 1921 г. в Грузии установилась советская власть. Поначалу духоборцы большой партии во главе с Петром Веригиным (сыном П. В. Веригина)⁶ восприняли ее с энтузиазмом и откликнулись на призыв советского правительства возвращаться в Россию, заселять свободные земли и создавать коммуны. В 1921–1924 гг. 4 тыс. человек выехали в

Сальские степи (Северо-Кавказский край) и тысяча – на Украину в Запорожскую обл. Численность духоборцев большой партии ощутимо сократилась.

Вскоре новая власть взялась за полное переустройство всех сторон жизни духоборцев, насаждая большевистскую идеологию и преднамеренно разрушая религию и традиционные формы культуры. Первая волна репрессий против закавказских духоборцев, оказавших власти пассивное сопротивление, прошла в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Вторая, связанная с созданием колхозов, – в 1937 г. Под этот каток прежде всего попала духоборческая элита – «старички» и певчие. Наиболее пострадали гореловские духоборцы, с самого начала открыто не принявшие новую власть, вмешивавшуюся в их жизнь. Кого-то расстреляли, кого-то отправили в лагеря или семьями в ссылку в Казахстан.

Певчие с. Гореловка (Грузия)
после посещения некрополя вождей на Троицу. 1988 г.
Фото С. А. Иниковой

На территории Духобории, некогда жившей по своим неписанным законам, были созданы сельсовет, партийная организация и комсомольские ячейки. В каждом селении был организован колхоз, и все население стало колхозниками. Работа без выходных доярками, телятницами и чабанами препятствовала участию духоборцев в сколько-нибудь регулярной религиозной практике.

В каждом селении были организованы школы, и приезжие учителя старались преодолеть традиционное неприятие духоборцами книжного обучения и воспитывать их детей в духе атеизма, ограждая от религиозного влияния старшего поколения.

Молодых духоборцев, вначале освобожденных от воинской повинности по религиозным убеждениям, с 1928 г. вновь стали брать в армию, где их перевоспитывали в советском духе. Участие мужской части духоборцев в Великой Отечественной войне

тоже способствовало принятию нового советского мировоззрения и образа жизни.

Следствием аккультурации стала индифферентность молодежи к религиозной жизни своего села. Однако на семейном уровне молодое поколение, выросшее уже при советах, участвовало в очень значимом для духоборцев похоронно-поминальном обряде, и каждый выучивал хотя бы один псалом, чтобы прочитать его на похоронах родственника или на собственных проводах в армию.

Советская власть попыталась ликвидировать духоборскую обособленность и подселить в их селения армян. Хотя попытка оказалась неудачной, но с началом коллективизации духоборцы двух отдаленных от остальных селений – Тамбовки и Родионовки – сами начали продавать дома армянам и уезжать, а их селения – постепенно превращаться в армянские.

Некоторое время Гореловка была центром Гореловского р-на Грузинской ССР, но в 1933 г. им стало духоборское с. Богдановка, а район переименован в Богдановский. Постепенно Богдановка заселилась армянами, а духоборцы остались компактно проживать на нескольких улицах. Однако пять духоборских селений (Гореловка, Орловка, Спасовка, Ефремовка, Калиновка, оно же Троицкое) до начала 1990-х годов оставались моноэтническими и моноконфессиональными, и это позволяло духоборцам, хотя и не в полном объеме, воспроизводить свою религиозную и бытовую культуру.

После завершения коллективизации и в последующие годы духоборцев, собиравшихся на *поклонение* (богомоление) в частных домах⁷, уже никто не преследовал, но в сложившихся условиях численность верующих, регулярно участвовавших в религиозной жизни, неуклонно сокращалась. Подавляющее большинство их составляли женщины пожилого возраста, обычно уже не работавшие в колхозах. В 1970-е годы регулярно участвовали в воскресном поклонении почти исключительно певчие, и только на большие праздники число молившихся существенно увеличивалось. В эти годы среди людей среднего возраста было много таких, кто никогда не участвовал в поклонении, не бывал с религиозными целями на могилочках и в пециерочках⁸ или посещал эти места только в детстве с бабушкой.

Жители каждого селения делегировали своим певчим право осуществлять культовую практику за все село. На певчих легла тяжелая обязанность поддержания религиозной жизни духоборческих общин, воспроизведения религиозной культуры, сохранения религиозной идентичности.

В советский период институт певчих продолжал существовать как неформальная, основанная на традиции организация. Среди них было много людей, чьи родители или бабушки-дедушки были

певчими. Певчие 1980–2000-х годов, выросшие в таких семьях, несмотря на пионерское детство и комсомольскую юность, после выхода на пенсию были в большей мере, чем другие, склонны вступать в ряды певчих. Особенно это было характерно для Гореловки. Такая преемственность способствовала передаче и усвоению особенной техники духоборческого пения и особенного отношения к пению⁹.

Этому же способствовала не прекращавшаяся в советский период традиционная практика обучения певчих, которые, как и в досоветское время, собирались в доме особенно известной своим искусством певчей (или певчего) и твердили псалмы (зучивали технику пения псалмов). На такие спевки приходили не только «молодые», но и «давношние» певчие, чтобы самим не забыть и научить других. Обучение пению псалмов и *стишков*¹⁰ предполагало заучивание и их текста.

Причины обращения неофитов к своим корням были разные, в основном, конечно, желание следовать вере отцов, но иногда это было желание почувствовать себя нужной, значимой, уважаемой, стать частью этой элитарной группы.

Известная певчая Гореловки Сара Константиновна Томилина (1920 г. р.), по словам ее дочери, начала твердить псалмы после 40 лет: «Рядом там [жил] Вася Гололобов. У него [твердила], и она ходила еще к бабке Луше Гончаровой. Туда ходили твердить, и она туда же. Зараз (сейчас. – С. И.) день сходила потвердить, и ее уже кличут петь на похоронах, поминках. Тогда – нет. Сколько ходишь, твердишь, чтоб знала, а тада придешь, тебя еще проверят, умеешь ли. Тада порядки другие были. Сколько она к этой бабке ходила, ни одна не ходила <...>. Телят пасеть на степе и поеть, и поеть, и поеть. Ее учили Вася Гололобов (1920 г. р.) и бабушка Гончарова, и Андрюша Пряморуков (1913 г. р.), Малаша Зубкова (1908 г. р.), Алеша Хохлин. Они все собирались. Я ей говорю: «Нянь, на Трушкином (название покоса. – С. И.) уже все камешки позатвердили. Ты поешь и поешь». Очень у нее память была...» (ПМА 1).

Другая гореловская певчая (1928 г. р.) рассказывала, что учила псалмы (текст) в детстве, но уже будучи взрослым человеком, обладая хорошим голосом, она стала ходить на поклонение и подпевать певчим. Когда на почте, где она работала, не было посетителей, пытаясь сама петь псалмы. Себя она не считала сильно религиозным человеком, и для нее участие в духоборческих обрядах стало средством реализации своих очень хороших вокальных данных, возможностью ощутить свою причастность к важному делу. О своем участии она кратко сказала: «Покличут – посидим, попоем. Это наше дело» (ПМА 2).

Не все желавшие становились певчими. Многие из тех, кто начинал учиться, бросали за неимением времени или в силу отсутствия способностей. Сообщество певчих не было закрытым, но старшие по возрасту и наиболее авторитетные его члены не допускали случайных людей. Сын гореловской певчей рассказывал: «Пряморуковы – это каста другая. Они не допускали [чужих]. Фрол Пряморуков, Андрюша Пряморуков, они знали, а эти-то молодые... О-о! Такие были! Стаж они имели. Давношние. Ну, вот, мать натвёрдила. Где-то на каких-то похоронах Хохлин-дед, он был главным у них, там еще одна – Зубкова Малаша была. Этот дед: “Ну-ка, ну-ка, Царка, ну-ка, вот здесь садись, я послухаю”. Спела сколька: “Вот тут будешь сидеть со мной рядом”. Обычно новеньких в конце [сажали]» (ПМА 3). Именно таких, «давношних», часто потомственных и обладавших большим опытом певчих духоборцы называли *коренными*.

Случалось, что в группу всё же проникали не имевшие способностей, не умевшие слушать *заводилу* (начинавшего петь, то есть заводившего псалом) и «подлаживаться», но очень упорные в своем стремлении люди. В 1980-е годы об одной такой певчей говорили, «что нету у ней ни голоски, ни согласки» (ПМА 4).

Особенно авторитетные певчие, к которым обращались по разным, чаще религиозным вопросам, по своему значению в обществе сближались со «старичками» прошлых лет, но их советы в начале XXI столетия уже не были так же обязательны для исполнения, как раньше: «Были старые еще – Пряморуков Андрюша – он сразу мог сказать, вот это нельзя делать, а сейчас никто и слушать не будет» (ПМА 5). В каждом селении духоборцы до сих пор помнят своих выдающихся певчих.

Помимо обладания хорошим голосом и музыкальной памятью, стремившийся стать певчим должен был иметь репутацию *моляки*, то есть человека, регулярно посещавшего моления и соблюдавшего религиозные традиции. Певчие выделялись среди духоборцев знанием наизусть значительного количества псалмов, или *пасалмов*, как говорили духоборцы, а некоторые из них могли прочитать даже вопросо-ответные псалмы¹¹. Певчие 1908–1920-х годов рождения помнили 20–26 псалмов. Однако они же рассказывали, что их родители знали наизусть по 40–50 псалмов, а некоторые и больше.

Правда, знание большого числа псалмов вовсе не означало понимание их смысла. В псалмы, передававшиеся в устной форме, за годы хранения в людской памяти вкрадось много искажений, в них встречалось много слов на старославянском языке¹², которые непонятны современным духоборцам. Кроме того, псалмы имели двойной смысл: тай-

ный для своих и явный для посторонних. В конце 1980-х годов на вопросы о смысле псалмов певчие прочитывали целиком или частично какой-нибудь псалом, в котором упоминалось то, о чем у них спросили. На поклонении или похоронах они пели определенный набор псалмов, потому что так делали их предшественники. Очень редко из памяти собеседников все же удавалось вытянуть какие-то фрагментарные остатки тайных смыслов. Духоборческое учение было давно и прочно забыто.

Не зная сакрального смысла псалмов, певчие считали, что достаточно произнести эти таинственные слова и строки, а далее по принципу: «Я не знаю, но Бог-то знает» (ПМА 6) или «Богушка все равно услышит. Главное произнести, оно все равно уйдет в атмосферу» (ПМА 7).

Певчие должны были вести себя более сдержанно и солидно, чем остальные; не ругаться, не злоупотреблять спиртным. В 1960–1980-е годы в компаниях, собиравшихся на праздники, свадьбы, певчие *играли* светские песни и даже могли потанцевать, хотя в старину это запрещалось.

Певчие были большими консерваторами, чем остальные жители их селений, если дело касалось религиозных традиций, костюма, быта. В конце XX в. большинство их и в будни носили традиционный костюм (Иникова 1994).

У певчих в каждом селении было чувство особой групповой идентичности. Особенно это было характерно для певчих Гореловки. Они гордились своим консерватизмом и резко порицали певчих большой партии, которые вне богослужения исполняли не только духоборческие стишкы, но и стихи, которые попали к ним от канадских духоборцев, в свою очередь заимствовавших их из песенников разных протестантских сект и от толстовцев. В 1980-е годы, когда былая вражда между духоборцами малой и большой партий почти стерлась, певчие села поддерживали, актуализировали память о расколе и былом противостоянии, тем самым обособляясь и скрепляя свое групповое единство

В качестве примера проявления групповой идентичности можно вспомнить о традиции певчих во всех селениях обязательно приходить на похороны «своей»/«своего» члена сообщества. Гореловские певчие в день похорон, когда они пели в доме покойного перед выносом, выставляли на стол закуску от себя, то есть давали продукты родственникам и те готовили и ставили перед ними угощение, чтобы певчие помянули усопшего за этой закуской. Такой помин вписывался в характерную для жителей Гореловки традицию: перед выносом тела родственники ставили певчим закуски от детей, от братьев, от племянников покойного.

Компания одногодок-мужчин, в которую входил умерший (или муж умершей), ставила певчим закуску от товарищей (Иников 2015: 77). Выставляя закуску от себя, как это делали родственники и товарищи, певчие подчеркивали степень близости (родственности, товарищества) с покойным. На вопрос «Зачем?» отвечали: «Ну, а как же? Она *наша пяуха* была» (ПМА 8).

Несмотря на весь консерватизм гореловских певчих, изменения потихоньку проникали и в их жизнь. В 1960-е годы они сократили свое присутствие в доме покойного перед похоронами вначале с 17 до 24 часов ночи, потом до 20–21 часа, поскольку певчих не хватало и возраст у многих был преклонный. Приблизительно в те же годы, если среди родственников вступавших в брак молодых были певчие, то они могли спеть несколько псалмов на свадьбе. Чаще всего исполняли псалмы «Жили мы были на сырой земле» (ЖК 1909: № 161), «Услыши, Боже, глас мой» (ЖК 1909: № 249), «Кто возлюбил печаль Господню» (ЖК 1909: № 140). К концу 1980-х годов певчие Гореловки стали иногда на поминках петь один–два праздничных псалма (кроме пасхальных), объясняя это тем, что иначе могут забыть их. И совсем вопреки правилам в конце 1980-х годов несколько «молодых» певчих в Гореловке участвовали в самодеятельности. Конечно, это незначительные изменения, но сами коренные певчие сетовали, что «отцы» бы их не одобрили.

Поскольку в моей статье много внимания уделено именно гореловским певчим, которые являлись и воспринимались остальными как некий эталон, то уместно сказать о причинах их консерватизма. Одна из них кроется в истории раскола, когда жители села противопоставили себя враждебному большинству и позиционировали себя ярыми приверженцами духоборческого «закона» (учения, традиций). Другая причина, на мой взгляд, заключается в том, что костяк певчих Гореловки состоял либо из духоборцев, репрессированных в 1930-е годы, либо из их потомков¹³. Родители, бабушки и дедушки этих певчих были героями-страдальцами за веру, и в советскую атеистическую эпоху память о них актуализировалась и мотивировала потомков крепче стоять за свой «закон», в понятие которого, конечно же, входила и певческая традиция.

Этот контингент в своем большинстве принципиально не вступал в колхоз, работая в районе в строительных организациях. Они имели больше возможностей, чем колхозники, распоряжаться своим временем и поэтому могли не только регулярно посещать богослужения, но и более полно воспроизводить культовую практику вне молитвенного дома (посещать святыни, участвовать в поминах вождей на могилочках).

Поддержанию религиозности гореловцев способствовало возвращение в 1978 г. верующим Сиротского дома, который был святыней, Отечеством и Сионом, где когда-то жила Лукерья Калмыкова.

Жители Гореловки не участвовали в крупномасштабных миграциях конца XIX – начала XX в., и село было самым многолюдным. Соответственно и группа певчих всегда, даже в самые тяжелые времена, оставалась самой многочисленной. В конце 1980-х – 1990-м году певчих там было 15–20 человек, но из них только трое мужчин. Самой молодой было тогда 58 лет.

В такой большой группе легче было выделить несколько заводил. В пении псалма самое сложное – это начать его петь, или *завести*. В соответствии с вокальными данными певчие подразделяются на *подголос*, или первый голос, тех, кто *вторит*, то есть поет вторым голосом, и тех, кто поет *за следом*. Обычно хорошая певчая может петь и первым, и вторым голосом. В Гореловке была певчая, отличавшаяся хорошим голосом и даже получившая прозвище Подголосница.

Небольшая численность групп певчих в селениях большой партии, по сравнению с Гореловкой, была связана не только с большим падением религиозности, но и относительной малонаселенностью селений. На воскресные богослужения духоборцы большой партии постепенно прекратили собираться в 1970-е годы, но певчие устраивали моления в чьем-нибудь доме по праздникам, а также пели псалмы и *видались* во время похорон и на поминках. В Орловке в конце 1980-х годов певчих было семь человек, но заводить псалмы могли только двое, причем одна из заводил – П. Г. Терехова (1928 г. р.) – была гореловской, временно жившей в Орловке у родственницы. С возвращением Тереховой в Гореловку и выездом в Россию заводили из Орловки певчие перешли на пение стишков. Иногда жители села приглашали на похороны гореловских. Последняя певчая уехала из Орловки в 2010 г.

В Ефремовке свои певчие были до 1990 г., а после привозили орловских, пока заводили у тех была Терехова, потом приглашали гореловских, и наконец, стали хоронить без певчих.

В Калинино (Троицкое) в 1988–1989 гг. на моление приходили 8–10 человек певчих, и среди них был один мужчина. Пели они несколько псалмов и стишков. С началом переселения Троицкое стремительно опустело, и певчих там просто не стало.

В Спасовке в 1980-е годы по праздникам и на похоронах певчие пели стишков. Родионовка и Тамбовка к этому времени превратились в армянские села. Несколько человек певчих там было до начала 1980-х годов, но исполняли они в основном стишков. Поскольку духоборцы видались только

под пение псалма, то там, где спеть его уже не могли, исчезала и эта очень важная часть поклонения (богомоления).

К концу 1980-х годов процесс вымывания псалмов из репертуара певчих и замены их стишками зашел далеко. Неизвестно, сколько псалмов духоборцы пели в начале XIX в., но в 1980–1990-е годы в Гореловке исполняли 57 псалмов, и некоторые из стариков называли еще 13 псалмов, которые пели на их памяти. В других селениях – всего 3–8 псалмов или уже не пели вообще, заменив их более легкими стишками. Параллельно шла замена «тяжелых» для исполнения псалмов более легкими и сокращение числа взводов (музыкальная строфа, соответствующая строке текста псалма), которые певчие могли спеть.

Самым сложным и самым важным духоборцы считали и считают «Узрех» (ЖК 1909: № 184), в котором изложены Заповеди блаженства (Мф. 5: 3–12). Он является обязательным для похоронно-поминального обряда. «А “Узрех”, – один дедушка-певчий в Гореловке говорил, – “Кто Узрех затвердит, тот будет певчий”» (ПМА 1). В старину, по рассказам стариков, гореловские певчие могли спеть пять, а то и семь взводов «Узрех», но в конце 1980-х пели три–четыре. Богдановские, ефремовские, калиновские (троицкие) певчие пели три ввода. Гореловские исполняли пять вводов «Великое дело» (ЖК 1909: № 202), шесть вводов «Сойдемся братья» (ЖК 1909: № 79) и полностью «Сами мы не знаем» (ЖК 1909: № 267), тогда как певчие других селений ограничивались двумя, редко тремя вводами. Сокращение числа пропеваемых вводов стало отчасти результатом того, что сокращалось число людей, участвовавших в поклонении¹⁴.

Очень трудными, кроме «Узрех», по словам гореловских певчих, считались псалмы «Идет Господь поверх воздуха» (ЖК 1909: № 113), «Глаголет Господь Бог Вседержитель» (ЖК 1909: № 110), «Нес Христос новые стания» (ЖК 1909: № 352), «Се ныне глаголет Господь» (ЖК 1909: № 201) (ПМА 9), которые в других селениях уже не исполнялись.

Выполнение религиозных запросов односельчан было обременительным делом, а самой тяжелой его частью – участие в похоронно-поминальном обряде, которому духоборцы придавали особенно важное значение, ибо без пения псалмов душа усопшего не могла уйти в отведенные ей пределы (Иникова 2018). Певчие должны были петь в доме покойного, сопровождать его на кладбище, быть на вече́ре (трапеза после похорон), а потом участвовать в поминках на 42 дня и год.

За тяжелый труд и большое эмоциональное напряжение никакой платы они не получали, кроме «спаси Господи» и уважения. «Ничо не платили, и

считалось, это, вроде как, если ты пошел на это, ты должен. Ты свое всё брось, а туда иди» (ПМА 4).

К искренней благодарности односельчан примешивалось и некоторое, скорее гипотетическое, опасение, что в случае проявления неуважения певчие могут обидеться и не прийти на похороны в эту семью.

Для певчих на похоронах всегда было приготовлено лучшее угощение, и существовал определенный этикет их обслуживания: «Когда они поют, а ты заходишь, ты накрываешь, ты должен обязательно откланяться. Ты выходишь и опять откланиваешься. И чтобы не поворачиваться [задом]» (ПМА 8); «Чтобы певчую обслужить, надо в платочке быть, не просто так. Кто обслуживал, они в платочках. Я раньше часто тарелки носила, раньше свадьбы, похороны большие были. И каждая: “Я к певчим не пойду, я не умею. Ой, не дай Бог, не так что-то положишь” <...>. Тарелочку поставила и задом [отходи]. Боже упаси, чтобы повернуться, только передом [к ним] отходи. Даже говорили: “Задом, смотрите, не поворачивайтесь, а то опозорите”» (ПМА 10). Это касалось только того момента, когда они пели, так что это уважение не только к исполнителям, но и к самому акту исполнения священных текстов.

В селах большой партии все проходило намного проще, поскольку было давно забыто, но и там певчие пользовались большим уважением.

Молодых людей, не знавших ни учения, ни истории духоборцев, особенно раздражал обычай певчих «пировать» рядом с покойником в день похорон, сложность и затратность похоронно-поминальных обрядов. Некоторые, и не только молодые, заявляли о полной неприемлемости для себя виться, особенно целоваться со старыми певчими во время богослужения и похорон (см. примеч. 4) и предлагали отказаться от этого. Певчие пресекали все эти попытки внести изменения в обрядность, хотя большинство их сами уже не могли объяснить ее религиозный смысл.

К концу советской эпохи в результате всех социально-политических, экономических и культурных изменений в стране и обществе, естественной смены поколений сильно сократилось число носителей духоборческой культуры. Процессы в масштабах страны и внутри духоборческого сообщества отразились на институте певчих. Пополнившие группы певчих люди пенсионного возраста не успевали освоить весь пласт традиционного репертуара, что вело к сокращению количества исполняемых ими псалмов, замене их стишками. Религиозная в своей основе, культура духоборцев в советское время подверглась секуляризации и ока-

заялась сильно фрагментированной. Хранителями ее в каждом селении стали, прежде всего, певчие, которые взяли на себя выполнение практически всей культовой практики. Все негативные изменения в институте певчих в меньшей степени затронули Гореловку в силу консерватизма и более высокой религиозности ее жителей, в большей – жителей остальных селений, когда-то принадлежавших к большой партии.

Постсоветский период

Националистическое движение, развернувшееся в Грузии в 1989–1990 гг., вынудило духоборцев искать пристанище в Российской Федерации. В октябре 1989 г. из Гореловки в с. Архангельское Тульской обл. выехал первый отряд переселенцев. Переселение жителей села в Россию растянулось на 20 лет и шло тремя волнами: 1989–1995 гг. в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл., в 1999 г. в пос. Мирный Клетнянского р-на Брянской обл., в 2007–2008 гг. в с. Малый Снегеток (мкр. Новый) Первомайского р-на Тамбовской обл. В этих трех местах возникли компактные духоборческие поселения выходцев из одного села.

В 1990 г. двинулись в Россию духоборцы из других сел, которые в основном ехали в Краснодарский, Ставропольский края, Ростовскую обл. и Крым, где у многих уже были родственники. Небольшое число духоборцев из Ефремовки, Спасовки, Калинино (Троицкого) выбрали Тульскую обл., но создать там прочные компактные поселения им не удалось¹⁵.

В начале 1990-х годов духоборцы, которые никогда не регистрировали свою религиозную общину, провели съезды и создали организацию и руководящий орган. Все были воодушевлены снятием религиозных ограничений и открывшимися, как тогда казалось, возможностями хозяйственного и культурного развития. Преобладавшая среди переселенцев молодежь и люди среднего возраста, которые никогда не участвовали в религиозной жизни Гореловки, заговорили о возрождении духоборчества и сохранении духоборческой идентичности.

В самой Гореловке руководство созданной там Общины-колхоза тоже строило планы по развитию села. До конца 1990-х годов ее жителям – в отличие от других духоборческих сел – удавалось противостоять проникновению в Гореловку армян и грузин-аджарцев и сохранять свой уклад и традиции. Однако численность духоборцев, помимо естественной убыли, сокращалась с выездом в Россию каждой следующей группы. С конца 1990-х годов Гореловка начала быстро наполняться иноэтническим и иноконфессиональным населением, но и в этих условиях духоборцы старались сохранить свой образ жизни и традиции.

Для переселенцев и оставшихся на местах гореловцев представление о сохранении духоборческой идентичности в первую очередь ассоциировалось с существованием и функционированием института певчих как главных носителей и хранителей культурно-религиозных традиций. Огромную роль в его создании на новых местах компактного поселения духоборцев и поддержании его в Гореловке сыграли «давношние» певчие Сара Константиновна Томилина (1920 г. р.) и Василий Тимофеевич Гололобов (1920 г. р.).

Оба были против переселения, считая, что духоборцы должны жить на родной земле, в святом месте около могил вождей и Сиротского дома. Сара Константиновна осталась в Гореловке с родными, а Василия Тимофеевича дочь увезла в Архангельское Тульской обл.

К Саре Константиновне домой стали ходить женщины, которым было немногим больше или меньше 50 лет и которых она начала обучать пению псалмов. Группа ее учениц в 1999 г. уехала в пос. Мирный Брянской обл. Через десять лет другая группа переехала в с. Малый Снегеток (мкр. Новый) Тамбовской обл. Две ее ученицы стали со временем ведущими певчими в Гореловке.

Василий Тимофеевич обучал женщин примерно такого же возраста. Некоторые из них еще до переселения начинали было ходить твердить псалмы к его матери – хорошей певчей. В Архангельское приехали и несколько человек «давношних» певчих, но их было очень мало и все они были весьма преклонного возраста.

Желание Василия Тимофеевича и его учениц сохранить традиционную обрядность и ее неотъемлемую часть – пение псалмов – вполне вписалось в контекст общего подъема самосознания духоборцев. В Архангельском, по воспоминаниям нынешних певчих, на них давили с разных сторон: «Нам говорили: «Ну, давай, ну, давай собираться. Наше всё пропадёт. Мы все-таки духоборцы. Ну, давайте собираться, давайте, чтобы продолжалось. Может, вдруг молодежь дальше пойдет, за нами, за следом» (ПМА 11).

Однако при более внимательном изучении, что же духоборцы вкладывали в слова «наше всё», выясняется, что, прежде всего, они имели в виду похоронный обряд. Все знали, что в местах, куда еще в 1930-е и 1970-е годы выезжали небольшие группы духоборцев, уже давно похороны сопровождались проигрыванием магнитофонных записей псалмов и стишков. Такая перспектива открывалась и перед переселенцами. Одна из певчих вспоминала, как Василий Тимофеевич объяснял им, почему необходимо учиться петь псалмы: ««Потому что будем умирать, – он так говорил, – а певчих не будет тут». Ради этого. Из-за похоронов» (ПМА 4).

В Гореловке деятельность певчих выходила за рамки совершения похоронного обряда. Они не только каждое воскресенье ходили кланяться в Сиротское, хоронили и поминали покойников, но и по традиции в определенные дни посещали святые места. Однако, поскольку часть учениц Сары Константиновны была ориентирована на выезд, то, как потом рассказывала одна из них, в ее группе «свадебные стишки мы не твердили, мы учили похоронные псалмы» (ПМА 6). Певчие и в Закавказье, и на новых местах поселения были консультантами, а иногда и распорядителями на похоронах и поминках, подсказывая мало что знающим родственникам покойного, когда и что сделать и сказать.

Ни Василий Тимофеевич, ни Сара Константиновна уже не смотрели на уровень религиозности своих учениц: моляк среди них не было, более того, было много случайных людей, решивших попробовать себя на новом поприще. Бывшая ученица дяди Васи, как все называли Василия Тимофеевича, вспоминала, каким образом она оказалась в группе певчих: «Не знаю, как получилось. Настя Маркина и Маша Сапетова пошли. Один день походили. Вася сам предложил. Он им сказал: “Покличте Ульяну”. Они приходили и говорят: “Вася сказал, чтоб ты пришла петь”. – “Девки, я не знаю и не пойду, и страшиться не буду”. А Настя говорит: “Ух, а мы прям знаем! Ну, поглядим, не сумеем и не будем ходить”. Вот так и убедили. И я пошла <...>» (ПМА 4).

Оба учителя никого не отчисляли, полагая, что постепенно случайные сами отсеются. Одна из выехавших в Тамбовскую обл. учениц Сары Константиновны, или тетки Цары, рассказывала: «Кто пришел, так и ходили. Она никого не отчисляла. Кто с душой, все остались. И сейчас в Гореловке все поют и молодежь <...>. И старые ходили, кто пел всегда, и те [молодые] ходили. Цара Томилина прекрасно видела, кто будет петь, а кто нет» (ПМА 12). На укоры сына, что она зря тратит на учениц силы и время, Сара Константиновна отвечала: «Андрей, вот эта приходит, сразу схватывает, и мне охота» (ПМА 13).

Василий Тимофеевич сразу пресекал разговоры о том, что у кого-то из учениц не получается и она хочет бросить: «Еще один день я ходила, ничего не поняла, послушала и говорю: “Вы меня простите. Нехай меня Богушка простит, я не понимаю, я не знаю”. А он как осерчал, Вася: “Ах, вы! Если песню, вы играть можете, если бы вот поплясать, поиграть песню, – это вы хорошо умеете, а надо вот этому научиться”» (ПМА 4).

В Гореловке ученицы ходили к Саре Константиновне домой, а в Архангельском – сначала в контору, где жил Василий Тимофеевич с семьей, а потом в поставленный для молящихся вагончик. Зимами собирались каждый день. В Архангельском, когда не-

много натвердили, стали ходить через день. Процесс обучения у обоих наставников проходил одинаково, и очевидно, что это была традиционная методика обучения духоборческому пению. «Сидишь, слухаешь, в точку попадешь в яво, тогда понятно. Вот “Узрех” мне легче было твердить, чем “Господи, Боже мой”. Он, вроде, читается легко, а поется он очень трудно. (Дядя Вася показывал, как нужно?) А мы ему в рот заглядывали <...>. Он заставлял, чтобы ты спела, он послухал. Не весь взвод. Он такой был памятливый! Вот как Тане от Бога дадено, и ему от Бога дадено. Вот он легко заводил. Вот если он завел, тогда поешь легко. Самое трудное завесть», – вспоминала его ученица (ПМА 4). Другая на вопрос, как Василий Тимофеевич учил, рассказывала: «Он сидить поеть, а мы все ему в рот смотрим. Он костылик поставит и облокотится, а нам не видно. “Дядя Вася, костылик убери. Нам не видно”. Он никогда не ругал» (ПМА 11а). В конце 1990-х годов Василий Тимофеевич уже еле ходил, но с костылем все равно шел на поклонение, переживая, что «девки» что-то не так споют.

Сара Константиновна тоже пела сама, а ученицы «за следом». «Кто неправильно сделае, она уже слышить и говорить. И ты или притихни, или подымай голос» (ПМА 6).

Василий Тимофеевич и Сара Константиновна с некоторой ревностью следили за успехами друг друга. В беседе, состоявшейся в 2000 г., Василий Тимофеевич с чувством говорил: «Сейчас в Гореловке еще ходят в Сиротское. Там Сара Томилина. Говорят, там молодежь пошла на пение. Сейчас здесь не дюже много собираются. Пока сам еще ходил, собирались. На похороны приходят 20 певчих. Какие голоса хорошие! Они научились уже здесь петь. Б-ва Таня самая первая *пявуха*» (ПМА 14). Сара Константиновна, приехав в Архангельское в гости к сыну, сходила на поклонение и высоко оценила школу Василия Тимофеевича, отметив, что уже непонятно, кто у кого учится. В исполнении одного псалма она услышала какое-то отступление от канона, на что Василий Тимофеевич не преминул напомнить: «Цара, а ты не у меня ли училась?».

После смерти Василия Тимофеевича в 2002 г. певчих в селе набиралось, по выражению жителей, «на три стола» (на похоронах), но завести псалом могли только трое. Очень не хватало мужских голосов, и все были рады, когда к певчим присоединился канадский духоборец, обосновавшийся в Архангельском. В течение 2000-х годов число певчих потихоньку сокращалось. В 2013 г. в Архангельском их было десять человек, а через десять лет всего четверо. Ученицы Василия Тимофеевича успели натвердить девять псалмов и несколько стишков и потом довольствовались этим багажом.

Лидером певчих Архангельского стала Д. П. Маркина (1937 г. р.). Все певчие признавали, что она – «мастер», и всё пение держится на ней и ее сестре М. П. Ослоповой (1934 г. р.). Заводилой стала и «первая пяуха» Т. Т. Б-ва, но она всегда подчеркивала ведущую роль сестер: «Даша с Машей приходили петь (на спевки. – С. И.), голоса слаживаются, а я говорю: «Когда Даша с Машей с нами, девки, мы во-о-от такие большие (широко разводят руки. – С. И.). А вот когда их нету, мы такие ма-а-льенькие» (ПМА 11а).

Дарья Петровна с Марьей Петровной ушли друг за другом, и теперь завести псалом из четырех может только одна Т. Т. Б-ва. Троим певчим далеко за 70, а одной за 80 лет.

Духоборцы с. Архангельское (Тульская обл.) во время поклонения на Пасху 2023 г. Первые трое – певчие. Фото С. А. Иниковой

Из-за пандемии ковида певчие не собирались в вагончике даже на праздники и перестали видаться около могилы. С окончанием пандемии поклонение на Пасху и Троицу возобновилось, а вот традиция видаться около могилы нет, хотя иной раз, как рассказывают певчие, вторая певчая задумается и по привычке подойдет к первой видаться и тогда остальные следуют ее примеру. «Узрех» они стали петь не три взвода, а два. На поклонение и похороны певчие обязательно должны приходить «в своей» духоборческой одежде, в том числе в шапках, но в настоящее время шапки надевают только на поклонение.

Последний год случалось, что на похороны приходили только двое певчих, а вдвоем спеть «Узрех» невозможно. Поэтому у могилы вместо него пели «лёгкий» «Сами мы не знаем», а потом одна дочитывала (то есть прочитывала от начала до конца)

«Узрех». Точно так же певчие и раньше делали с псалмом «Праведные души в руце Божей»¹⁶, который следует петь, вернувшись с кладбища в дом покойного, но выучить его они не успели, поэтому всегда пели «Сами мы не знаем», а дочитывали «Праведные души».

Делать так им разрешил Василий Тимофеевич. Ему приходилось все время подстраиваться под возможности его учениц, вносить поправки в устоявшиеся каноны. Он же предложил в день похорон, когда певчие поют до выноса тела в доме покойного, ставить им только одну хозяйственную закуску, а все другие – от родственников, от товарищей – отменить, а кто хочет, пусть дает родным деньги. Василий Тимофеевич аргументировал это нововведение тем, что у певчих не остается времени молиться. И это новшество прижилось. В случае смерти певчей остальные певчие стали давать ее родственникам по 500 руб. от каждого (но закуску от них уже не ставили), а не по 200, как обычно собирают духоборцы на похороны. Таким образом они подчеркивают свое особое отношение к покойной: «Она же с нами ходила, она же наша» (ПМА 11а). Как-то сами собой отменились и ритуал с поклонами, и запрет поворачиваться к певчим спиной, когда они пели псалмы во время похорон, хотя им по-прежнему хозяева подают самые вкусные блюда, чтобы подчеркнуть свое уважение. «Всегда так было. Певчим получше, пожирнее. Мне на палец жиру [в] борщ», – рассказывала певчая (ПМА 11а).

Еще в 1980-е годы не разрешалось, чтобы на молении двое прочитали один и тот же псалом, поскольку прочитать его – это поставить Богу свечу, а вдвоем нельзя ставить одну свечу. Сейчас этот запрет не действует. Против него выступали некоторые духоборцы еще в Закавказье, поскольку увеличивалось число тех, кто знал всего один псалом. Певчая Архангельского объяснила, почему теперь, когда всё уходит, не грех и дважды прочитать: «А чёй? Господь так сказал: «Не все всё знают»¹⁷. Один псалом и то моление. Господь сказал... Вот у нас кончается моление. Всё! Два-три человека рядом... Вот мы рядом сядем, два-три человека почитают, и то это моление» (ПМА 15). Другая сослалась на слова, слышанные ею когда-то от гореловской коренной певчей Малави Зубковой, которая считала, что нельзя человеку запрещать читать псалом второй раз: «<...> может человек не знает никакого паса-

ломчика, може один знае да от чистой души помолился. А мы сколько их знали да не от чистой души читали» (ПМА 4).

Процесс профанации сакрального, который можно было наблюдать еще в Грузии даже в среде певчих, на новых местах пошел очень быстро. Непонимание смысла псалмов и цели их исполнения вело к обесцениванию того и другого. Псалмы для подавляющего большинства духоборцев перестали быть инструментом непосредственного общения с Богом.

Описывая свою поездку на Кавказ в 1910 г. с целью изучения и записи пения русских сектантов, в том числе духоборцев, на фонограф, Е. Э. Линева отметила, с каким трудом ей удалось записать их пение: «<...> несколько старейшин не одобрили идею записи псалмов на фонограф, и молодежь, несмотря на сильное желание петь, не была расположена противоречить старшим» (Линева 2002: 22). Только благодаря вмешательству П. П. Веригина ей удалось сделать запись.

В 1990 г. группу певчих из Гореловки, Орловки и Спасовки (20 человек) пригласили в Москву, чтобы они выступили в Доме композиторов. Несмотря на то, что всем очень хотелось приехать и посмотреть Москву, решились на поездку они не сразу. Певчих очень смущало то, что им придется петь псалмы на сцене, да еще в своих костюмах. Некоторые старики восприняли это как святотатство. И все-таки певчие приехали, хотя, будучи в Москве, вздыхали и сетовали, что это грех. Благодаря этому приезду в 1993 г. вышла пластинка с записью псалмов, стишков и песен.

В Архангельском в первые же годы в клубе была создана самодеятельность. Некоторые певчие поначалу сомневались, можно ли им участвовать в ней: «Я вот как-то Васе говорю: “Вася, вот идем на репетицию, может, грех?”. – “Чо Бог дал, чо можешь. Ты ж не делаешь на похоронах пляску”» (ПМА 16); «<...> стал хор организовываться и все в хоре пели. Мы стали Васю спрашивать: “Ну, Вася, можно буде или нельзя. Если нельзя, мы не будем ходить. Раз мы на это пошли, давай тут будем”. Он сказал: “Это не грех, девки. Ты матом не ругаишься, а песню сыграть – это не грех”» (ПМА 4). Получилось так, что почти все певчие стали и участниками самодеятельности, и это дало повод некоторым духоборцам говорить об «ансамбле певчих».

Они стали ездить выступать с песнями на разных фестивалях и смотрах в Тульской обл., а потом на них обратила внимание руководитель фольклор-

ного ансамбля «Исток» из Подольска. Члены коллектива приезжали в Архангельское, перенимали их песни, скупили их одежду, но и духоборцев стали вывозить на различные фестивали, чему певчие были рады, и до сих пор вспоминают об этих поездках. «Подольские у нас много взяли: и пение, и одежду. Но они везде нас возили выступать. Благодаря им мы побывали в Подольске, Вильнюсе, Москве, Ясной Поляне. Как хорошо было!» (ПМА 17). На этих сценах, кроме светских песен, они обязательно пели один-два псалма и стишок. Спели псалмы вместе со студентами Музыкального училища им. Гнесиных на сцене училища.

Певчие с. Архангельское (Тульская обл.) выступают вместе со студентами Музыкального училища им. Гнесиных. 2013 г.

Фото из архива М. В. Елецкой

Люди старшего поколения Архангельского были недовольны: «Не ладит: псалом спели, песню, а следом плясали почти уже. Всё это в один день» (ПМА 11а).

Нельзя сказать, что новые певчие уже совсем не испытывают особого мистического трепета при чтении и пении псалмов. О каком-то неведомом страхе, замирании сердца они говорили не раз: «Вот когда идешь молиться, какая-то робость. Другой раз псалмы читать, забывается. Испужаешься. А мы там все один одного знаем, почему пужаться? Ну, какой-то есть страх, чи чо» (ПМА 15). Очевидно, восприятие певчими самого исполнения псалмов носило двойственный характер: во время выступления на сцене это были для них те же народные песни, которые они пели для слушателей, а на поклонении они все-таки пели священные тексты, исполняемые для Бога.

Певчие Архангельского могли пойти петь на похоронах православного, будь то коренной житель села из тех, кто еще оставался там к моменту приез-

да духоборцев, или окрестившийся духоборец, и не видели в этом греха. В Малом Снежетке Тамбовской обл. и Каменке Тульской обл. были случаи, когда пришедший отпевать покойного батюшка просил родственников выпроводить приглашенных ими певчих. Рядовые духоборцы и сами певчие полагали, что их вера отличается от православной только тем, что они не ходят в церковь, не носят крестов и обходятся без священника, а в остальном различий нет. Духоборцы, утратив знание и понимание своей религии, проживая в России среди русских, как вскоре после переселения выяснилось, не хотели противопоставлять себя им и демонстрировать свою особенность, свою избранность, как это было в Закавказье среди армян, поэтому и подъем самосознания, и желание отстаивать свою идентичность как-то незаметно сошли на нет.

Процесс угасания института певчих значительно быстрее шел в двух других поселениях, основанных в России выходцами из Гореловки. Ученицы Сары Константиновны, уехавшие в пос. Мирный Брянской обл., на месте поселения еще несколько лет продолжали учиться у Л. И. Гончаровой (1928 г. р.). Духоборцы Мирного столкнулись с большими проблемами, планы их по созданию коллективного хозяйства, в котором они были бы заняты, не осуществились, и люди стали разъезжаться на заработки. Уехали и некоторые из тех молодых женщин, которые ходили учиться пению; кто-то просто перестал ходить на спевки и поклонение. В группе певчих Мирного преобладали пожилые духоборки. «Пока мы чуть ходим. Мы, может, мечтали [раньше ходить учиться], но времени не было, да и знали, что там (в Гореловке. – С. И.) старых много, – рассказывала в 2009 г. духоборка из Мирного. – Сейчас старые померли. Ходить на спевки летом некогда, а зимой собираемся. Зимой ходим каждый день» (ПМА 18).

В 2009 г. мне довелось побывать на спевке, проходившей в квартире одной из «молодых» певчих. Из семи человек только двоим было по 55 лет, остальные – значительно старше. В настоящее время из небольшой группы певчих – пять-шесть человек – только одна может завести псалом, но ей уже 85 лет. Поют они четыре псалма, но стишков, даже похоронных, не знают. На моления певчие собираются редко, только на большие праздники (Рождество, Пасха, Троица) и то не всегда, однако четы-

ре-пять человек обязательно приходят на похороны и поминки, правда, уже без шапок и около могилы, как это положено, не видаются.

Дольше всех у Сары Константиновны училась группа учениц, в 2007–2008 гг. переселившихся в Малый Снежеток (мкр. Новый) Тамбовской обл. Хотя твердили они основные похоронные псалмы, Сара Константиновна старалась все-таки расширить их репертуар, тем более что в Гореловке тогда были еще «давношние» певчие, тоже приходившие на спевки. Несмотря на длительное обучение и старания наставницы, эта группа твердо усвоила только девять псалмов: «Узрех» один взвод, «Великое дело», «Когда будет конец веку» (ЖК 1909: № 122), «Сойдемся мы братья», «Жив наш Господь» (ЖК 1909: № 319), «Сами мы не знаем», «Высоко звезда восходит» (ЖК 1909: № 342), «К кому пойду» (ЖК 1909: № 334). «Восстаньте, преподобные мои» (ЖК 1909: № 269). Твердили стишок «А вы голуби» (ЖК 1909: № 402), но в Малом Снежетке исполняли редко, а потом и вовсе перестали, хотя его обязательно должны петь во время похорон.

О певчих Малого Снежетка остальные духоборцы говорили: «Какие тут певчие? Кто тут знает? Ни завесть, ни весть! Там они говорили: «Передние не будем, а за следом будем петь». А сюда приехали, и не за кем за следом петь» (ПМА 1). Да и сами певчие признавали, что плохо справились со взятыми на себя обязательствами: «Ну, поем мы небольшие, ну, какие нужные: «Сойдемся мы братья», «Узрех», «Великое дело». «Жили мы были» не поем, мы не вытвердили его. Мы твердили, к Царе ходили. Тута переднего нету, и все задние» (ПМА 19).

Певчие пос. Мирный (Брянская обл.) во время спевки. 2009 г.
Фото С. А. Иниковой

Певчие перестали собираться по воскресеньям, а последнее время и по праздникам. Единственным местом их встречи еще оставались похороны и поминки, хотя духоборческий костюм они уже не надевали. Как и в Архангельском, вместо «Узрех» певчие стали петь «Сами мы не знаем», а «Узрех» дочитывать. На похоронах в 2023 г. около могилы включали запись псалмов.

Несколько учениц Сары Константиновны остались в Гореловке. Две из них – Татьяна Михайловна О-ва (1953 г. р.) и Елена Кузьминична Л-на (1954 г. р.) – после смерти наставницы стали руководителями группы гореловских певчих. Они пришли к Саре Константиновне на старый 1999 Новый год, как раз в тот момент, когда прощаться с теткой Царой пришли уезжавшие в Брянск учившиеся у нее несколько женщин. «Мы как пошли к тетке Царе... Бог навел, – вспоминала Т. М. О-ва. – Если песню я учила, обязательно должна переписать, с листочка учила. Я вот с такой душой шла к Царе, вот так хотелось. И мы с Леной наперегонки. Она начинает заводить вперед или я. Тетка Цара все время говорила: «Вот эти двое и повядут»» (ПМА 6). У обеих женщин дедушки были певчими.

Татьяна Михайловна и Елена Кузьминична старались привлечь в группу новых людей. Духоборцев в Гореловке оставалось совсем мало, да и все были заняты в собственных хозяйствах. Они уговаривали, взывая к чувству ответственности за сохранение духоборческого наследия, говорили: «Вот, никому не надо. Как мы можем бросить своё! Нам за это будить». Им удалось привлечь нескольких женщин, которым после обучения устроили прослушивание: «Они уже нам как экзамены [устроили]

ли]. Одни мы пели. Они не пели. Мы пели. Ну, вот сейчас в Сиротское хожу и Маша Г-ва. Поем», – рассказывала одна из учениц (ПМА 20). Даже тех, кто так и не смог овладеть певческим искусством, утешали продолжать учиться и ходить на моления, похороны, поскольку для постоянного звучания псалма нужны и поющие «за следом», чтобы пение не прерывалось.

«Молодые» гореловские певчие уже не были так же, как их предшественники, убеждены, что достаточно произнести слово из псалма, им непонятное, Бог его услышит и сам разберется, что к чему. На спевках они стали пытаться толковать псалмы, основываясь не на традиции, которая была прочно забыта, а на собственном понимании.

Желая расширить свой репертуар, гореловские певчие стали разучивать псалом «Кто ин» (ЖК 1909: № 71) с пластинки, выпущенной в 1993 г. Новым стишкам учились от старых людей. Ученицы тетки Цары в 2014–2015 гг. могли спеть, по их словам, 28 псалмов¹⁸, тогда как сама Сара Константиновна пела 40.

Последние годы гореловские певчие продолжают собираться каждое воскресенье, правда, в Сиротское приходят всего два-три человека, редко больше. На Пасху, которая обычно собирается на поклонение в Сиротском доме большое число людей, в 2023 г. пришли десять человек. «Сами после моления выходим из Сиротского и говорим: «Несужели все кончится скоро?» – с грустью говорила Т. М. О-ва. – Пение псалмов – это радость Богу» (ПМА 6а).

Поскольку в Гореловке певческая традиция не была прервана, и Сара Константиновна старалась следовать устоявшемуся порядку, то ее ученицы твердо следуют правилам и боятся что-то изменить: «У нас лишнего ничего нету»; «Как нам говорили, мы ничего не выкинули и боимся что-то прибавить» (ПМА 6).

Ситуация с певчими в местах, где в Тульской обл. проживают небольшие группы духоборцев – выходцев из селений большой партии, значительно хуже, чем в селениях, где проживают выходцы из Гореловки. В Новопетровском Каменского р-на в настоящее время только двое певчих. Обе из Ефремовки, 1940-х годов рождения. Иногда к ним присоединяется третья. Никто из них не ходил молиться, когда жили в Грузии, но обе когда-то участвовали в самодеятельности. Переселившись в пос. Новопетровский, человек

Певчие с. Гореловка (Грузия) во время поклонения (богослужения) в Сиротском доме. 2014 г. Фото С. А. Иниковой

пять-шесть женщин пошли учиться петь псалмы и стишки к бабушке Акулине Томилиной. Ходили всего «одну зиму и то не целиком. Что вот запомнили чуть-чуть, а твердо не очень-то хорошо знаем, потому что мы мало совсем ходили» (ПМА 21). Учили исключительно «самое необходимое» – похоронные псалмы, но «Узрех» не выучили. В их репертуаре «Сами мы не знаем», «Великое дело», «Ходила, ходила святая Дева» (ЖК 1909: № 359) и стишки «Не унывай душа», «Кабы знал я человек» (ЖК 1909: № 388). Никто непомнит, чтобы бабушка Акулина учила их, когда в какой момент что надо петь. По предположению певчих, она сама этого не знала. Первые годы певчие в традиционных костюмах собирались по воскресеньям на поклонение и по праздникам, и даже приходил один мужчина, но потом все свелось к похоронам и поминкам. Если на похороны или поминки они приходят втроем, то видаются под пение псалма «Сами мы не знаем», но чаще последние годы они ограничиваются чтением псалмов. Несколько раз в Новопетровский привозили певчих из Архангельского, если родственники покойного хотели, чтобы всё было сделано правильно.

В с. Каменка, где проживает группа духоборцев, вначале было несколько певчих, исполнявших стишки, но их уже давно нет, поэтому на похоронах и поминках некоторые включают магнитофон.

Духоборцы прекрасно понимают, что если что-то и осталось в их сообществе духоборческого, то это пение псалмов и совершаемые под него ритуалы. Они говорят: «Вот, как только псалмопение кончится – всё» (ПМА 22); «Читать псалмы [духоборцы] смогут, а петь вот так – нет <...>. А как пение уйдет, – всё уйдет» (ПМА 23); «Певчих не будя, всё развалится, ничего не будя» (ПМА 17).

Некоторые вполне спокойно воспринимают перспективу того, что живое пение будет заменено записями на дисках, флешках, телефонах. Пластиинка 1993 г. с записью псалмов уже давно переведена в электронный формат и в этом виде широко распространена среди духоборцев. Некоторые имеют записи, сделанные на похоронах родственников.

Певчие и сами понимают, что на смену им уже никто не придет. Они стараются убеждать друг друга ходить на поклонение и похороны, несмотря на возраст и болезни. Чтобы гореловские певчие прочувствовали всю значимость духоборческого богослужения и свою ответственность за его сохранение, Т. М. О-ва ссылается на пророчество Лукерии Васильевны, которая «говорила, чтобы не оставляли воскресенье без моления, а если не придет, то это конец всему миру» (ПМА 6). Весь мир, конечно, не пострадает, но для духоборческого мира исчезновение певчих поставит точку в его истории.

* * *

Институт певчих на протяжении более чем двух веков был очень важной структурной частью духоборческой секты. Певчие были призваны обеспечивать воплощение в культовой практике главной мистической идеи духоборческого учения – получение верующими Божественного откровения. По мере того, как духоборческое сообщество забывало учение, культовая практика приобретала характер обрядодержания, а певчие превращались в главных исполнителей обряда, совершающегося по традиции.

В советское время в силу атеистической идеологии государства, изменившихся экономических и социальных отношений, смены поколений подавляющее число духоборцев перестало участвовать в культовой практике, делегировав певчим своего селения право осуществлять ее за них. Во время проживания в Грузии на певчих легла обязанность поддержания религиозной жизни, сохранения духоборческой культуры и идентичности. С утерей понимания учения и высокой роли певчих они всё больше становились исполнителями потребностей общества.

В постсоветский период, после переселения в Россию, вырванная из исторического и культурно-ландшафтного контекста духоборческая культовая практика быстро свелась исключительно к выполнению похоронно-поминального обряда, и в настоящее время певчие превратились в некое подобие похоронных команд. Более широкие функции до сих пор выполняют певчие Гореловки (Грузия), где сохраняется традиция посещения святых мест.

Начавшийся еще в советский период процесс изменения качественного состава певчих привел к тому, что современные певчие перестали быть носителями более высокой религиозности, чем остальное духоборческое население, среди них нередко оказываются случайные люди.

Сложная техника пения требовала длительного обучения, и люди пожилого возраста, входившие в число певчих, просто не могли освоить весь тот пласт псалмов, которые исполняли их предшественники. Для певчих в советскую и особенно постсоветскую эпоху характерно сокращение репертуара, причем после переселения из Грузии в Россию темпы этого процесса существенно ускорились.

В репертуаре певчих в России стали преобладать похоронные псалмы и стишки, поскольку похоронно-поминальный обряд остался единственным исполняемым духоборцами традиционным духоборческим обрядом. Параллельно шел процесс вымывания из репертуара псалмов, вместо которых исполняли стишки, отказа от заучивания и исполнения трудных псалмов и замены их лёгкими, сокращения числа взводов, которые певчие

пели. Отчасти это связано с ограниченными возможностями певчих, а отчасти с непониманием того, что изменение репертуара меняет сам смысл обряда. Вершиной профанации сакрального стало сценическое исполнение певчими псалмов. Несмотря на эти негативные процессы, певчие и в начале XXI в. все еще востребованы обществом и

в силу этого сохраняют свой достаточно высокий статус.

Главная причина угасания института певчих, на наш взгляд, заключается в том, что он является производным религиозного учения, сформировавшегося в давно ушедшую эпоху и не отвечающего вызовам современного мира.

Примечания

¹ Первую часть исследования см.: Иникова 2023: 68–79.

² Духоборцы – это мистическая секта протестантского типа. Они являлись поборниками учения о внутренней церкви, считали своего руководителя воплощением Христа, верили во внутреннее озарение. Предположительно, секта появилась в начале XVIII в. В начале XIX в. по повелению Александра I духоборцы были компактно поселены в Таврической губ.; в 1841–1845 гг. переселены в Закавказье и расселены в Ахалкалакском и Борчалинском уездах Тифлисской губ., в Елизаветпольском у. одноименной губернии. Часть духоборцев в начале 1880-х годов переселилась в Карскую обл. после присоединения ее к России в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

³ Старички – самые уважаемые, знающие догматы веры пожилые мужчины, хотя иногда старичком могли считать и не старого, но очень знающего и разумного человека. Они следили за чистотой веры, за поведением и нравственностью, решали семейные и хозяйствственные споры, были хранителями преданий и пророчеств вождей. Старички руководили единоверцами на уровне села.

⁴ Неотъемлемой частью обряда *поклонения*, или богослужения, было пение псалмов. Ведущими исполнителями выступали певчие, а остальные, кто умел, пели в хоре. Певчие подолгу распевали гласные с почти закрытым ртом, и под их пение, взявшись за руки, мужчины с мужчинами, а женщины с женщинами, духоборцы дважды кланялись друг другу, целовались в губы и еще раз кланялись, то есть *видались*. В это время на собравшихся сходил Святой Дух и сам Господь Бог научал верующих божественным тайнам, то есть духоборцы получали духовное причастие.

⁵ В широком смысле слова Духобория – это все духоборческие селения, расположенные в Закавказье. Но обычно так называли селения в Ахалкалакском у.: Богдановка, Горелое (Горловка), Орловка, Спасское, Ефремовка, Троицкое (в советское время Калинино), Родионовка, Тамбовка. Центром было с. Горелое.

⁶ После отъезда веригинцев в Канаду духоборцы большой партии, оставшиеся на местах, пригласили сына П. В. Веригина – Петра Петровича, переехать из его родного с. Славянка Елизаветпольской губ. в с. Орловка Ахалкалакского у. и стать их руководителем. Далеко не все признавали его Христом, и такого религиозного авторитета, как у его отца, у П. П. Веригина не было.

⁷ Духоборцы всех селений, кроме Горелого, всегда молились в частных домах. Жители Горелого совершали богослужения в так называемом Сиротском доме – религиозном и административном центре секты, месте проживания вождей, духоборческом Сионе. После раскола по суду он перешел брату Лукерии Калмыковой, а по сути, малой партии. В советское время его экспроприировали и передали колхозу. До 1978 г., когда Сиротский дом вернули верующим, горловские духоборцы тоже молились в частных домах.

⁸ Могилочки – место захоронения вождей и членов их семей. Пещерочки – грот с пристроенной внешней стеной и крышей, любимое место времяпровождения Лукерии Калмыковой. Для духоборцев это святые места, которые они массово посещали в определенные дни.

⁹ Об особенностях пения псалмов см.: Иникова 2023: 75.

¹⁰ Стишками духоборцы называли произведения религиозного, нравоучительного характера. Это могли быть народные духовные стихи, авторские стихи, которые пели на похоронах, свадьбах и праздничных застольях. В отличие от псалмов, они не имели в конце сакрментальной фразы «Богу нашему слава», обладали значительно меньшим религиозным статусом и были легче в исполнении. Стишки никогда не пели во время богослужения.

¹¹ Вопросо-ответные псалмы составлены по принципу катехизиса. Некоторые содержат более 90 и даже более 120 вопросов и ответов. Эти псалмы в старину не читали на богослужении, но «старички» их знали. В 1980-е годы буквально единицы горловских певчих знали не самые большие вопросы-ответные псалмы и иногда читали их на молении. Маленькие вопросы-ответные *пасаломчики* предназначались для заучивания детьми.

¹² Очевидно, изначально большинство псалмов были на старославянском языке, но постепенно сами духоборцы переводили их на современный им русский язык, однако часть слов, а иногда и целые фразы остались на славянском языке.

¹³ Некоторые репрессированные вернулись еще в 1930-е годы, кто-то после войны. Те, кому въезд на прежние места жительства был воспрещен, селились в Боржоми, где образовалась маленькая колония. Не желающие вступать в колхозы, в основном жители сел Тамбовка и Родионовка, переселились под Тбилиси в Грмагель (ныне район Тбилиси).

¹⁴ Напомним: под пение псалмов молившиеся духоборцы видались не просто друг с другом, а с присутствующим в душе Богом. Если совершивших обряд было на молении мало, то достаточно было спеть два взвода, дочитать псалом и на этом остановиться. Хотя духоборцы могли продолжать петь псалмы и после того, как закончили видаться.

¹⁵ В Чернском и Каменском районах Тульской обл. духоборцы Спасовки, Орловки, Ефремовки основали пос. Южный и подселились в с. Каменку и пос. Новопетровский. Численность переселенцев в Тульскую обл. была невелика. Одно малочисленное компактное поселение пос. Южный осталось недостроенным, транспортная инфраструктура не была создана, и люди разъехались. Мало духоборцев осталось в Каменке и Новопетровском.

¹⁶ Этого псалма нет в ЖК. Он опубликован канадскими духоборцами (Сборник 1978: 140).

¹⁷ В Священном Писании таких слов нет.

¹⁸ Я насчитала 25 псалмов и два стишко, по статусу близких к псалмам. В «Животной книге духоборцев» это псалмы под номерами: 71, 79, 96 последняя строка, 122, 140, 158, 159, 183, 184, 202, 222, 229, 262, 267, 269, 272, 323, 334, 340, 341, 342, 343, 345, и еще двух псалмов нет в ЖК, но они есть в Сборнике канадских духоборцев (Сборник 1978: 97, 140). Два стишко: «А вы голуби» и «А вы слушайте-послушайте» (его нет в ЖК) гореловские певчие фактически приравняли к псалмам.

Источники и материалы

ЖК 1909 – Животная книга духоборцев. СПб., 1909.

Линева 2002 – Линева Е. Э. Музыкальная поездка на Кавказ // По следам Е. Э. Линевой. Сб. науч. статей. Вологда, 2002. С. 16–30.

ПМА – Полевые материалы автора.

ПМА 1 – Экспедиция в с. Малый Снежеток, мкр. Новый Первомайского р-на Тамбовской обл. 2014 г. Информант Л.И.П., 1944 г. р. (с. Гореловка, Грузия).

ПМА 2 – Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2003 г. Информант А.А.П., 1928 г. р. (с. Гореловка, Грузия).

ПМА 3 – Экспедиция в с. Малый Снежеток, мкр. Новый Первомайского р-на Тамбовской обл. 2014 г. Информант А.И.Т., 1952 г. р. (с. Гореловка, Грузия).

ПМА 4 – Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2023 г. Информант У.В.Г., 1941 г. р. (с. Гореловка, Грузия).

ПМА 5 – Экспедиция в с. Гореловка Ниноцминдского р-на Грузии. 2014 г. Информант М.М.С., 1950 г. р. (с. Гореловка, Грузия).

ПМА 6 – Экспедиция в с. Гореловка Ниноцминдского р-на Грузии. 2014 г. Информант Т.М.О., 1953 г. р. (с. Гореловка, Грузия).

ПМА 6а – Беседа 2023 г. Информант Т.М.О., 1953 г. р. (с. Гореловка, Грузия).

ПМА 7 – Беседа в Москве. 2019 г. Информант И.А.Д., 1952 г. р. (Дманиси, Грузия).

ПМА 8 – Экспедиция в с. Малый Снежеток, мкр. Новый Первомайского р-на Тамбовской обл. 2014 г. Информант Т.С.Ч., 1964 г. р. (Гореловка-Спасовка, Грузия).

ПМА 9 – Экспедиция в с. Гореловка Богдановского р-на Грузии. 1990 г. Информант С.К.Т., 1920 г. р. (с. Гореловка, Грузия).

ПМА 10 – Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2013 г. Информант И.В.К., 1969 г. р. (с. Гореловка, Грузия).

ПМА 11 – Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2003 г. Информант Т.Т.Б., 1947 г. р. (с. Гореловка, Грузия).

ПМА 11а – Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2023 г. Информант Т.Т.Б., 1947 г. р. (с. Гореловка, Грузия).

ПМА 12 – Экспедиция в с. Малый Снежеток, мкр. Новый Первомайского р-на Тамбовской обл. 2014 г. Информант Л.М.Г., 1948 г. р. (с. Гореловка, Грузия).

ПМА 13 – Экспедиция в с. Малый Снежеток, мкр. Новый Первомайского р-на Тамбовской обл. 2014 г. Информант А.И.Т., 1952 г. р. (с. Гореловка, Грузия).

- ПМА 14 – Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2000 г. Информант В.Т.Г., 1920 г. р. (с. Гореловка, Грузия).
- ПМА 15 – Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2023 г. Информант А.К.Ч., 1939 г. р. (с. Гореловка, Грузия).
- ПМА 16 – Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2013 г. Информант П.Ф.Б., 1947 г. р. (с. Гореловка, Грузия).
- ПМА 17 – Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2023 г. Информант М.В.Е., 1948 г. р. (с. Гореловка, Грузия).
- ПМА 18 – Экспедиция в пос. Мирный Клетнянского р-на Брянской обл. 2009 г. Информант М.И.З., 1936 г. р. (с. Гореловка, Грузия).
- ПМА 19 – Экспедиция в с. Малый Снежеток, мкр. Новый Первомайского р-на Тамбовской обл. 2014 г. Информант П.К.К., 1938 г. р. (с. Гореловка, Грузия).
- ПМА 20 – Экспедиция в с. Гореловка Ниноцминдского р-на Грузии. 2015 г. Информант Л.В.С., 1960 г. р. (с. Гореловка, Грузия).
- ПМА 21 – Экспедиция в пос. Новопетровский Каменского р-на Тульской обл. 2023 г. Информант Е.С.Ш., 1947 г. р. (с. Ефремовка, Грузия).
- ПМА 22 – Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2013 г. Информант А.А.Б., 1937 г. р. (с. Гореловка, Грузия).
- ПМА 23 – Экспедиция в с. Архангельское Чернского р-на Тульской обл. 2013 г. Информант П.Н.К., 1947 г. р. (с. Гореловка, Грузия).
- Сборник 1978 – Сборник Духоборческих Псалмов, Стихов и Песен. Гранд Форкс (Канада): изд. Союза Духовных Общин Христа, 1978.

Научная литература

- Иникова С. А. История и символика духоборческого костюма // Живая старина. 1994. № 1. С. 29–36.
- Иникова С. А. Певчие в духоборческом сообществе во второй половине XVIII – начале XX века // Традиции и современность. 2023. № 33. С. 68–79.
- Иникова С. А. Представления о казаках и казачьи традиции в культурно-религиозной жизни духоборцев // Этнографическое обозрение. 2015. № 2. С. 70–82.
- Иникова С. А. Религиозно-догматическая составляющая в современном похоронном обряде духоборцев с. Гореловка (Грузия) // Жизнь и научный путь этнографа. Материалы чтений памяти И. В. Власовой. М., 2018. С. 324–336.

References

- Inikova, S. A. 1994. Istorya i simvolika duhoborcheskogo kostyuma [History and symbolism of the Doukhobor costume]. *Zhivaya starina* 1: 29–36.
- Inikova, S.A. 2023. Pevchie v dukhoborcheskom soobshhestve vo vtoroj polovine XVIII – nachale XX veka [Singers in the Doukhobor Community in the Second Half of the 18th – Early 20th Centuries]. *Traditsii i sovremennost* 33: 68–79.
- Inikova, S. A. 2015. Predstavleniya o kazakakh i kazach'i traditsii v kul'turno-religioznoy zhizni dukhobortsev [The Notions of the Cossack and Cossack Traditions in the Cultural and Religious Life of the Doukhobor Sect]. *Etnograficheskoye obozrenie* 2: 70–82.
- Inikova, S. A. 2018. Religiozno-dogmaticheskaja sostavlyushhaya v sovremennom pokhoronnem obryade dukhobortsev s. Gorelovka (Gruziya) [The religious and dogmatic component in the modern funeral rite of the Doukhobors of the village Gorelovka (Georgia)] *Zhizn' i nauchnyj put' etnografa. Materialy chtenij pamyati I. V. Vlasovoj* [Life and scientific path of an ethnographer. Materials of readings in memory of I. V. Vlasova], 324–336. Moscow.

SINGERS IN THE DOUKHOBOR COMMUNITY IN THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS

Abstract. The Institute of singers, as a structural part of the Doukhobor sect, was formed at the beginning of the XIX century and crossed the threshold of the XXI century. The history and role of the singing of sacred texts, the place and status of their singers in the XVIII – early XX centuries are considered in the work previously published on the pages of this magazine. This article continues the study of singers in the Doukhobor community in the Soviet and post-Soviet periods. It examines the influence of external historical processes and internal cataclysms on the

transformation of the institute of singers, the peculiarities of its functioning during these periods and the reasons for its extinction. The article mainly uses the author's field material collected during expeditions to the Doukhobors in the Bogdanovsky (now Ninotsminda) district of Georgia and to their places of compact residence in the Russian Federation after their resettlement from Transcaucasia.

Keywords: Doukhobors, singers, psalms, religiosity, cult practice, Soviet period, post-Soviet period.

Author Info: Inikova, Svetlana A. – Ph. D. in History, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: inikova_svetlana@iea.ras.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4925-8817>

For citation: Inikova, S. A. 2023. Singers in the Doukhobor community in the Soviet and post-Soviet periods. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 35: 38–54

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

